61985

7 0 5

ТУ-19-241-82

3

5

студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—037

Анна Гарф

Художник Н. Воронков

На опушке, возле могучих лиственниц, стоит сложенный из брёвен сруб. Это зимовье охотника Мергена и его семилетнего сынишки — Ага́са.

Мерген—значит меткий. Агас—горностай. Агас своим именем недоволен.—«Почему меня барсом не назвали,—обижался он.—Ну назвали бы хоть волком, а то—горностай, зверушка, ростом с рукавичку...»

Осенью Мерген и Агас славно поработали: ходили в тайгу по дрова. Отец валил сухие деревья, а мальчик таскал вязанки хвороста.

Зато теперь жарко пляшет огонь в очаге. И если присмотреться, то увидишь, как бегают по поленьям огненные человечки. Над очагом кипит медный котёл. А наверху, у дымохода, коптится жирное мясо.

После ужина Агас собирает кости и выходит покормить Эрдене. Эрдене ест и ворчит: вдруг мальчик тоже захочет погрызть косточку... Гав-гамм! Не дам, не дамм!

Утром охотники встают на широкие, обшитые мехом лыжи и идут в лес. Рядом бодро скачет Эрдене. Небо уже совсем белое, а снег ещё белее неба, и на этом светящемся снегу видны следы птиц и зверей.

— «Кто здесь завтракал, кто шишку уронил?» — спрашивает большой охотник маленького. — «Белка». — «Ай, сынок! Слово должно быть точным, как выстрел. Сначала хорошо прицелься — подумай. Потом говори».

Агас смущается, краснеет. Он видит на дереве дятла. Дятел засунул шишку в развилку ветки и долбит по ней клювом, как молотком.

— Погляди, сынок, шишка, что дятел долбил, разве похожа на шишку, что у белки в зубах побывала? Видишь, как белка свою аккуратно объела?

Отец знает тайгу. Он видит птицу, где никто не увидел бы её; слышит зверя там, где никто не услыхал бы его... Эрдене тоже работает: громким лаем оповещает охотников о долгожданной добыче.

Отец учит сына капканы настораживать. Если что не так Агас сделает—отец не бранит. Скажет только: «В другой раз лучше сделаешь»,—и переделает работу сына по-своему.

В сильные морозы Мерген уходит в лес один, а сыну говорит: «Вечером скажешь, какие гости навещали нас, какие следы оставили».

Не хочется мальчику услышать вечером: «В другой раз лучше расскажешь»,—но ох как нелегко все следы у зимовья прочитать, всё упомнить! Здесь и мыши, и птицы жмутся к жилью человека.

А вот и горностай! Видит теперь Агас, какой он быстрый, смелый. Тело у него гибкое, а лапы хоть и короткие, но сильные, будто стальные пружинки.

И горностай не бежит, а подскакивает на своих пружинистых лапах. Он может прыжком догнать вспорхнувшую птицу и поймать её на лету!

Однажды охотники, вернувшись домой, увидели, что мясо раскачивается над очагом. А на нём—горностай. Захотел, должно быть, украсть кусочек...

Почуя людей, горностай шлёпнулся вниз, кинулся к закрытой двери, заметался туда-сюда...

...подскочил...и бросился на Мергена. Вцепился в рукав, не отпускает!—«Ну и отважный ты, малыш,—засмеялся Мерген.— Сам хочешь в охотничью суму попасть!»

Агасу стало жалко горностая, и тихонько, чтобы отец не заметил, он приоткрыл дверь. Горностай тут же юркнул в щель.

Но снаружи, за дверью, храбреца ждала Эрдене. Она рванулась за горностаем. Напрасно мальчик кричал: «Стой, стой, назад!»

Агас встал на лыжи и пустился за собакой...— «А горностая не видно,— радовался он.— Обманул горностай Эрдене, скрылся, спрятался!»

Но вот показался из-под снега кончик чёрного носа—вздохнул, должно быть, зверёк,—и тут же мелькнул кончик чёрного хвостика.

Собака снова бросилась по следу. От неё и под снегом не скроешься...А горностай теперь уж не такой быстрый, всё реже в снег прячется...

Выскочили на лысый, обледеневший холм. Горностай тут весь на виду: деваться некуда. Эрдене уже красную пасть разинула, клыки острые блестят. Нет спасения горностаю.

Тут он вдруг как обернётся да как вцепится собаке в губу! Челюсти сжал и повис.

И большая, строгая собака завизжала тонким щенячьим голосом и, поджав хвост, помчалась вон из леса.

Только у самой опушки горностай отпустил собаку. Упал в снег и пропал, точно растаял в седых сумерках...

...Мерген долго ждал сына к ужину и, не дождавшись, вышел из дома. К нему подползла Эрдене, плачущая, виноватая... А где же Агас? Что случилось с ним в лесу? Почему Эрдене покинула его?

Небо было уже совсем чёрное. Мерген взял фонарик, встал на лыжи и пошёл по следам детских лыж, высвечивая их короткими вспышками.

Следы лыж. Отпечатки собачьих лап... Следы горностая. Видно было, что зверёк отчаянно убегал от погони. «Горностай не волк,—успокаивал себя Мерген,—бежать далеко ему не по силам».

След собаки, бегущей обратно из лесу... А следа горностая не видно... может, собака схватила его и понесла в зубах? Но почему нет обратных следов мальчика? Почему он не вернулся? Заблудился? Сломал ногу?

Собака повернула отсюда, от этого лысого холма... Нужно зажечь на холме большой костёр, мальчик увидит свет и выйдет на него. Мерген запел песню,—может, мальчик голос услышит...

— Оте-ец! Оте-ец! — донёсся до охотника слабый детский зов. Бросился Мерген на зов.

И увидел: Агас едва бредёт ему навстречу.—«Прости меня, папа, что Эрдене потерял... Я не мог за ней по кустам бежать».

Охотник снял рукавицу и нежно ладонью коснулся щеки сына.— «Нет, папа, нет! Я не плакал, это слёзы сами потекли...»

— Агас мой, Горностай мой, даю тебе новое имя — Агас Дьялтынба́с — Отважный Горностай. Осенью в школу пойдёшь, там твоё имя так и запишем: Агас Дьялтынба́с!

— Да, папа,— вздохнул Агас,— горностай — отважный зверь!

Отец подхватил мальчика на руки. Опустив голову, Агас Дьялтынбас спал.

Молодой месяц, тонкий и острый, как лезвие топора, повис над зимовьем, но свет его был так слаб, что звёзды в чёрном небе ничуть не потускнели, горели ярко, предвещая мороз...

И малыш горностай, никем не замеченный, вышел на свою ночную охоту.

Редактор Т. Семибратова
Художественный редактор В. Дугин
Д-148-78
Студия «Диафильм» Госкино СССР, 1978 г.
101000, Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7
Цветной 0-30